

Е. М. Чекалина

НОВАЯ ШВЕДСКАЯ ЛЕКСИКА В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Известно, что словарный состав языка представляет наиболее изменчивую его часть. В многоярусной структуре языковых систем именно лексика, «непрерывно и оперативно реагирующая на все новое в жизни языкового коллектива»¹, является той открытой и динамичной областью, которой присуща экстралингвистическая детерминированность, предопределенная социальным миром носителей языка. «Каждый год язык современного общества обогащается многими сотнями лексических единиц, в первую очередь терминов»²; «главной причиной изменения лексики является изменение общественной практики, условий существования и потребностей языкового коллектива»³. Одной из важнейших функций языка и, следовательно, слова в языке является функция воздействия; слова с различными коннотациями и с различным «потенциалом воздействия» пронизывают всю лексическую систему. Созданные в языковом коллективе, они выступают для говорящего индивида в роли «смысловых ориентиров», посредством которых осознается и интерпретируется внеязыковая действительность.

На примере некоторых особенностей, характерных для новой шведской лексики, можно видеть, что общественные тенденции и отражающие их лексические изменения — это не просто взаимосвязанные, но, если можно так сказать, «обоюдосвязанные» процессы. Лексика нового поколения не только является зеркалом происходящих в обществе

¹ Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 7.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 31.

явлений, но, подобно пучку отраженного в этом зеркале света, сама способна быть катализатором общественных тенденций.

Итак, словарный состав языка и общественные тенденции обоюдно отражают друг друга. Этой теме посвящена книга под названием «Orden speglar samhället»⁴, авторами которой являются известные лексикологи из Гетеборгского университета Стуре Аллен, Мартин Еллерстам и Свен-Еран Мальмгрен. Книга опубликована в 1989 г. в серии научно-популярной литературы «Forskningens frontlinjer», издаваемой Комитетом по планированию и координации научных исследований Швеции (FNR).

В написанной М. Еллерстамом главе «Språkliga reflexer av samhällstrender» выявляются важнейшие языковые проявления общественных тенденций последней трети минувшего столетия. В предлагаемой статье они представлены в другом, чем у автора, порядке, отнюдь не отражающем степень их значимости, а лишь более удобном для нашего изложения. К тому же, как отмечает автор, языковые факты часто (если не всегда или, по крайней мере, в большинстве случаев) отражают не одну, а несколько общественных тенденций.

1. Информационный взрыв. Одним из важнейших языковых проявлений этой тенденции является влияние письменной речи на устную, при котором происходит взаимодействие разнонаправленных процессов:

А) Языковые изменения благодаря мощному потоку информации происходят более быстрыми темпами.

Б) «Информационная составляющая» способствует большей стабилизации языковой нормы.

Средства массовой информации играют особо важную роль в этих процессах, являясь одновременно и «рупорами» языковых инноваций, и средствами закрепления новой языковой нормы, особенно в плане выражения.

2. Интернационализация. Проявлением этой тенденции в первую очередь является масштабное англо-американское влияние на шведский язык, позиции которого в некоторых сферах оказались значительно ослабленными за счет частичного, а иногда и полного вытеснения английским. Английский язык используется на международных форумах, в научной сфере, в высшем образовании, в музыкальной поп-культуре; он является рабочим языком на многих крупных предприятиях и фирмах (koncernspråk). Осознавая серьезность проблемы, шведское правительство в 1997 г. поручило Шведской языковой комиссии разработать программу поддержки шведского языка в Швеции, а в 2000 г. по реше-

⁴ Orden speglar samhället / S. Allén, M. Gellerstam, S.-G. Malmgren. Forskningens frontlinjer. Stockholm, 1989.

нию Риксдага для всестороннего изучения вопроса о статусе шведского языка была создана специальная парламентская комиссия⁵.

Демократизация шведского общества как одна из важнейших тенденций второй половины XX в. (см. далее), а вместе с нею расширение возможностей образования для всех слоев населения, обеспечившие высокий уровень владения иностранными языками, в современном шведском языке находят отражение в виде ухудшения ассимиляции иноязычных заимствований, причем не только англо-американских. Хрестоматийным примером этого стало написание заимствованного из английского слова *tape* в разные годы с разными значениями и с различной степенью орфографической ассимиляции: *tejr* в 1950-е гг. в значении «скоч» и *tape* в 1970-е гг. в значении «магнитная лента».

Показателен также возврат к французской орфографии в заимствованиях, шведское написание которых было установлено еще реформой 1906 г. и стабильно держалось на протяжении почти всего XX столетия: *boudoir* (*budoar*) ‘будуар’, *boulevard* (*bulevard*) ‘бульвар’, *desavouera* (*desavuera*) ‘дезавуировать’, *route* (*rutt*) ‘маршрут’, *doublé* (*dubblé*) ‘дублет’, *gouter* (*gütera*) ‘ценить’, *mouche* (*musch*) ‘мушка’, *pougat* (*nugat*) ‘нуга’. Даже такие устойчивые шведские написания французских заимствований, как *rulad* ‘рулетик’ и *gratäng* ‘жюльен’, в поваренных книгах меняются в пользу французских *roulad* и *gratin*.

3. Демократизация. Одной из важных составляющих этого процесса является реальное равенство между полами. В языковых фактах это выражается в отказе от использования названий профессий с суффиксами семантического женского рода, например: *författare* ‘писатель, автор’ вместо *författarinna* ‘писательница’; *lärare* ‘учитель, преподаватель’ вместо *lära­rinna* ‘учительница, преподавательница’; *dansare* ‘танцовщик’ вместо *dansös* ‘танцовщица’.

Процесс демократизации шведского общества во второй половине XX в. нашел отражение в переходе к широкому использованию местоимения 2 лица единственного числа *du* не только в общении между отдельными людьми, но и государственных учреждений с гражданами, которое возникло в 1970-е и стало нормой в 1980-е гг. Следует, однако, отметить, что с конца 1980-х гг. наметился обратный процесс — возврат к местоимению *ni* при обращении к одному лицу не только в сфере обслуживания (*service-ni*), но и в общении молодых людей с незнакомыми и немолодыми. Показа-

⁵ *Матьцина И. В.* Шведский язык сегодня и завтра (по материалам отчета государственной экспертной комиссии) // *Philologica Scandinavica*: Сб. статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 150–151.

тельно, что этот процесс возник в речи поколения, которое не слышало и не могло слышать старого, обремененного сословными предрассудками Ni, которое использовалось представителями высших слоев иерархической лестницы при обращении к низшим (в том числе в армии).

4. Управление общественными процессами. Специализация. Специализация шведского общества означает, что все большее число его граждан становятся узкими специалистами в самых различных областях. Это, в свою очередь, связано с ростом образованности и объема знаний в целом, который происходит невиданно быстрыми темпами. По данным шведских социологов, если население земного шара удваивается за 50 лет, то число членов научных сообществ увеличивается вдвое всего за 15 лет; ученые и исследователи в различных научных областях в конце XX в. составляли 90% всех когда-либо живших до этого представителей той же сферы деятельности; количество научных журналов в мире к концу прошлого столетия составляло от 50 до 100 тыс.⁶

Шведский публицист и писатель Еран Хэгг ввел в обиход специалистов по общественным наукам понятие «*kupésamhället*», которым определяется устройство шведского общества по модели «купе», отражающей все большее его дробление на узкоспециализированные «ниши», внутри которых создается разветвленная профессиональная лексика⁷. Анализируя язык специалистов, работающих в различных «купе» современного шведского общества, Е. Хэгг выделил три яруса «специализации»:

1) узкопрофессиональная терминология специалистов (медицинская, юридическая и др.);

2) языки, на которых общаются между собой представители различных профессиональных групп — так называемые *gruppspråken*;

3) так называемый поверхностный язык (*ytspråket*) как средство общения между работниками различных учреждений и административных органов или их общения с отдельными гражданами.

Последний ярус представляет собой «скорее связующий раствор, нежели подлинное средство коммуникации»⁸; содержание слов в этом «поверхностном языке» настолько размыто, что может вызывать самые различные ассоциации. В статье М. Еллерстама приводится образец такого «административно-поэтического» языка; это небольшая выдержка из описания деятельности Комитета по профессиональной подго-

⁶ *Laurén Chr., Nordman M. Från kunskapens frukt till Babels torn. En bok om fackspråk-1987.*

⁷ *Hägg G. Språk i administrationssamhället // Språken i vårt språk. 1980. N 6.*

⁸ *Orden speglar samhället. S. 46.*

товке кадров Швеции: «Ett begrepp i det organiska synsättet av nästan samma vikt som målprecisering i utbildningsteknologin är upplevelsebaserad inläring. Den är på en gång mål, innehåll och metod (Statens personalutbildningsnämnd)»⁹ *‘В рамках органического подхода понятием почти такой же важности, как уточнение цели образовательных технологий, является обучение, основанное на практике. Оно является одновременно целью, содержанием и методом’* (перевод мой. — Е. Ч.). Е. Хэгг считает такой «поверхностный язык», в основе которого лежит «вымывание» смысла, вредным для общества.

Одним из наиболее важных в языковом плане проявлений последних двух тенденций является «терминологизация» общеупотребительной лексики в связи с появлением особого слоя лексики нового поколения — так называемых общественных слов, или общественных терминов (швед. samhällsord eller samhällstermer). Такие слова создаются в общественном секторе (швед. den offentliga sektorn), который вследствие процессов демократизации и управления общественными процессами значительно расширился — во многом в связи с работой государственных экспертных комиссий, создаваемых в целях подготовки изменений в шведском законодательстве.

Важной особенностью «общественных слов» является то, что они культурно специфичны. В отличие от технической терминологии, которая обычно имеет одно-однозначные соответствия в других языках, «общественные термины» с трудом переводимы. Для их образования используется богатейший потенциал словообразовательной системы шведского языка — основосложение.

М. Еллерстам классифицирует общественные слова по четырем параметрам — форма/содержание; новое/устоявшееся¹⁰:

	Новая форма	Устоявшаяся форма
Новое содержание	tidigarelärare färdbevis	bistånd
Устоявшееся содержание	äldreomsorg	deklaration

Однако анализ соотношения «общественных слов» и стоящих за ними реалий позволяет выделить шесть групп:

1. «Общественные слова», обозначающие новые явления, например: allemansrätt *‘всеобщее право на природопользование’*, dagcenter *‘центр*

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. S. 85.

днегого досуга для пенсионеров', deltidsskolor 'подготовительная группа неполного дня', familjehem 'семья, в которой проживает ребенок или взрослый из неблагополучной семьи', hemtjänst 'обслуживание инвалидов и престарелых на дому', resedokument 'документ, заменяющий заграничный паспорт живущим в Швеции иммигрантам', källsortering 'сортировка домашних отходов'.

2. Гиперонимы, которые используются только специалистами, главным образом в документации: färdbevis 'проездной документ', объединяющий такие слова, как biljett 'билет', kupong 'купон', månadskort 'месячный проездной'; slätgöring 'глажение' для слов strykning 'утюжка' и mangling 'прокатывание белья'; produktionsenhet 'производительная единица' (о домашнем животном в фермерском хозяйстве, например о корове).

3. Центральной в лексическом пласте «общественных терминов» является группа слов типа äldreomsorg 'забота о пожилых', которую М. Еллерстам относит к разряду новых по форме слов с устоявшимся значением. Наиболее важной особенностью этой группы является то, что отягощенное негативными коннотациями слово, а следовательно и стоящее за ним понятие (в данном случае это композит äldreomsorg 'уход за престарелыми') благодаря новой словесной оболочке становится лексически нейтральным или приобретает положительную коннотацию.

Многочисленные примеры такого типа «общественных слов» можно найти в тексте вступившего в силу 1 января 1982 г. «Закона о социальной службе» (швед. Socialtjänstlagen). Уже замена слова hjälp 'помощь' на tjänst 'служба, обслуживание, услуга' в названии Закона сигнализирует о том, что система государственной социальной поддержки воспринимается в современном шведском обществе как обычная государственная служба наряду с другими; ср.: press-, militär-, säkerhetstjänst. Во многих (хотя и не во всех случаях) в тексте закона слово vård 'уход, присмотр, попечение' заменено словом omsorg 'забота', например: omsorg om barn och ungdom, omsorg om äldre, omsorg om handikappade; слово hemvård заменено на hemtjänst 'обслуживание инвалидов и престарелых на дому'. Для учреждений, деятельность которых близка медицинскому обслуживанию (sjukvård) и направлена на социальную терапию, например, наркоманов, хронических алкоголиков, трудных детей и подростков, компонент -vård в композитах сохранен: hem för vård och boende 'интернат', missbruksvård 'наркологический диспансер'. Сохранено и слово kriminalvården 'пенитенциарное учреждение'; как остроумно отмечает М. Еллерстам, его замена на композит kriminaltjänsten «по всей видимости, была бы излишне гуманной»

(torde dock vara humanit i överkant¹¹). В ряд формулировок и названий включен нейтральный компонент service-: serviceboende, servicehus 'для пенсионеров'. Показательна и замена композита socialhjalp '(материальная) социальная помощь' словом bistånd, которое ранее употреблялось только во внешнеполитических контекстах в значении 'помощь странам третьего мира'.

Как отмечает М. Еллерстам, при создании «общественных терминов» важно, чтобы они «располагались на правильном уровне, с тем чтобы различие между “картой” (языковыми названиями) и “местностью” (реалиями) не было слишком велико»¹².

Центральная для пласта «общественных слов» группа, как и рассматриваемые ниже группы 4, 5 и 6, отражает такой зафиксированный шведскими социолингвистами процесс, который известный лингвист Бенгт Сигурд в свое время назвал «вербальными реформами» (швед. verbala reformer)¹³. «Вербальные реформы» направлены на гуманизацию общественного сознания, включая отношение граждан к болезненным проблемам общества и отдельного человека. Создаваемые специалистами сознательно как профессиональные термины и арготизмы в недрах государственных учреждений, имеющих отношение к социальной сфере, такие «общественные слова» по мере их распространения в языковом коллективе в условиях открытости и демократичности шведского общества при огромной роли средств массовой информации неизбежно оказывают влияние на изменение общественного сознания, делая его более гуманным и толерантным.

«Закон о социальной службе» — хороший пример соответствия между идеологическими установками государственных органов Швеции, как и всего общества в целом, и «общественными словами», отражающими новую идеологию. Как пишет М. Еллерстам, изменения в лексическом наполнении таких «общественных слов» направлены на то, чтобы «стряхнуть неприятные ассоциации» (швед. skaka av obehagliga associationer¹⁴).

Ярким примером «вербальной реформы» этого типа является общественно-политическая судьба таких слов, как stat 'государство' и makt 'власть'. Как отмечают шведские лексикологи, социал-демократы вряд

¹¹ *Orden speglar samhället*. S. 94.

¹² *Ibid.* S. 97.

¹³ *Sigurd B. Språkklyftor som reflexer av vissa drag i samhällsutvecklingen // Språk, människa, maskiner*. 1976. N 7.

¹⁴ *Orden speglar samhället*. S. 43.

ли смогли бы так расширить общественно-государственный сектор (den offentliga sektorn), если бы не стали широко использовать «теплое» слово *samhalle* ‘общество’ вместо «холодного» *stat*¹⁵.

Показательна и общественно-политическая судьба слова *makt* ‘власть’. В 1960–1970-е гг. у представителей левых партий оно приобрело более позитивное звучание в контекстах, содержащих идею их собственного управления государством, возможно, под влиянием американского *Black power*, как, например, в известном лозунге-призыве левых: «*Du ska ta ledningen och makten*» ‘Ты должен взять управление и власть в свои руки’.

В конце 1980-х гг. министр труда и заработной платы Швеции объявил о том, что необходимо найти замену изжившему себя политически слову *myndighet* ‘государственный орган, орган власти, ведомство’, «поскольку органы власти не особенно властны и не обладают той степенью власти, которая представляется общественности»¹⁶. Министр предложил найти ему замену в виде «общественного термина», который бы больше подчеркивал равный диалог между государственными учреждениями и отдельными гражданами, больше ориентировал общество на понятия, выраженные словами *tjänst* и *service*, и передавал идею «протянутой для помощи руки» в деятельности административно-управленческого аппарата (швед. *en hjälpande hand*). Если вместо слова *myndighet* будет использоваться, к примеру, композит *allmäntjänst* ‘всеобщая служба’, представление о государственной власти начнет меняться в сторону их восприятия в качестве обслуживающего персонала для общества и его граждан, а вместе с тем в этом направлении в еще большей степени будет меняться и деятельность государственных учреждений.

4. К этой группе относятся общественные слова, которые создаются и используются только как профессиональные названия специалистами — социологами, психологами, психоаналитиками, психиатрами, педагогами, социантропологами — теми, кого по-шведски называют *det hjälpande skiktet*¹⁷. Такие слова с нейтральной семантикой бытуют как «неформальные терапевтические профессиональные арготизмы» (*informell terapeutisk jargong*¹⁸) и используются в целях социальной терапии для гуманизации понятий, имеющих в общепотребительной

¹⁵ *Orden speglar samhället*. S. 78.

¹⁶ *Ibid.* S. 91.

¹⁷ *Lyttkens L.* Den disciplinerade människan. Udderalla. 1985.

¹⁸ *Orden speglar samhället*. S. 43.

лексике негативные коннотации, например, используемых в пенитенциарных учреждениях: påföljd 'последствие' вместо straff 'наказание', intern 'интернированный' вместо fange 'заключенный', bostådsrum 'жилая комната' вместо cell 'камера', kontaktperson 'контактное лицо' вместо övervakare 'охранник'. Сюда можно отнести и прилагательные с нейтральной семантикой вместо оценочных: lågpresterande 'неуспевающий' вместо lat 'ленивый', förståndshandikappad 'умственно неполноценный' вместо dum 'глупый'.

5. К этой группе относятся слова, создаваемые в чисто косметических целях (språklig makeup), например для обозначения традиционных профессий с низким или недостаточно высоким престижем: lokalvårdare вместо stadare 'уборщик', tidigarelärare вместо lågstadielärare 'учитель младшей школы'.

6. В эту группу включаются слова, которые сознательно выведены из употребления в качестве «общественных терминов»; например fosterbarn 'ребенок, воспитывающийся в чужой семье' — слово, которое изъято из текста «Закона о социальной службе» как негуманное: ведь все воспитывающиеся в семье дети — это просто дети. Разумеется, это слово сохраняется в общеупотребительной лексике. В данном случае стратегия «вербальной реформы» направлена на то, чтобы «по мановению волшебной палочки ликвидировать нечто, относящееся к сложной, затрагивающей человеческие чувства действительности, — ликвидировав его словесное обозначение» (att trola bort en företeelse, en svår och känslig verklighet — genom att trola bort beteckningen¹⁹).

С точки зрения лексических процессов терминологизация шведского языка характеризуется появлением особого слоя общеупотребительной терминологии. При этом, как отмечают лексикологи, происходит постоянное «перетягивание каната» между их бытованием в качестве специальных терминов или профессиональных арготизмов и обычных общеупотребительных слов. В данном процессе действуют две составляющие:

1) семантическое расширение термина, вплоть до его детерминологизации, как, например, произошло со словом hemspråk 'родной язык иммигрантов, проживающих в Швеции', и многими другими «общественными словами»;

2) уточнение значения общеупотребительного слова и тем самым сужение его семантического потенциала при специальном употреблении, как, например, в словах familjedaghem 'семейный детский сад' или gymnasieskola 'гимназия'.

¹⁹ Ibid. S. 92.

Функционирование «общественных терминов» постоянно балансирует между стремлением специалистов как можно более четко структурировать быстро меняющуюся действительность, с одной стороны, и противостоянием со стороны носителей языка слишком быстрому и кардинальному изменению в значении и употреблении привычных им слов родного языка.

J. M. Tjekalina

SVENSKA NYORD AVSPEGLADE I SAMHÄLLSTRENDER

I artikeln behandlas kopplingen mellan ordförrådet och verkligheten med hänsyn till en särskild grupp som har fått beteckningen «samhällsord» eller «samhällstermer», vilka baseras på och definieras i svensk lagstiftning eller officiella utredningar. Dessa ord är som regel kulturberoende; de vänder sig oftast till allmänheten och uppfattas som en del av allmänordförrådet. Terminologiseringen av svenskan sker i form av dragkampen mellan fack- och allmänspråk inom skärningspunkten mellan offentligt och privat. Kopplingen mellan samhället och språket framträder i form av «verbala» reformer, då samhällstrender avspeglas i ordförrådet, men samtidigt kan dess förändring omvänt sättas upp som spegel för samhällsförändringen.